

ГРУСТНЫЙ КРОЛИК

Грустный, потерянный кролик — картинка на белой
стене.

Как кукурузы початки, зеленые ушки торчат.
Черный лобик нахмурен и к звездам далеким воздет.
Ах, до чего он хорош! Его толстые щеки дрожат,

носик трясется от страха; ведь кто испугался однажды,
будет все время бояться, пусть сам и не зная чего.
Он такой одинокий, мой кролик на белой стене —
любой из собратьев на воле во сто крат счастливей его.

Может, захочешь и ты грустным кроликом стать.
Будешь сидеть потихоньку — зеленая с красным спина,
грудь голубая, в ней смелое сердце неслышно стучит.
Что ж, твоя воля. Но если эта судьба тебе суждена,

то от Истинной Плоти лучше подальше держись.
Она выбьет тебя из седла одинокой печали
и разрушит трагических красок цветной фейерверк —
словно солнечный свет, заставляющий призраки таять.

Исцелит твои раны и боль унесет, как ручей,
что уносит песок, оставаясь и светлым, и чистым.
Грустный, задумчивый кролик на белой стене
обаятельней диких собратьев своих. И пушистые

ушки его защищают не хуже рогов. Только помни —
он всегда расставляет ловушку, и пестрые краски
постепенно становятся так же остры, как клинки,
и безжалостно режут ткань Жизни Живой на куски.

Стэн Райс

Я — вампир Лестат. Помните меня? Тот самый вампир, который стал суперзвездой рока и написал автобиографию. Тот самый светловолосый и сероглазый вампир Лестат, обладавший неутолимой жаждой известности и славы. Если помните, я хотел стать символом зла в сияющем и прекрасном веке, где совершенно не было места злу в том его буквальном и чистом виде, воплощением которого я являюсь. Мне даже казалось, что, выступая на театральной сцене в образе дьявола, тем самым я действую во благо.

Когда мы беседовали с вами в последний раз, передо мной открывались прекрасные перспективы. Только что состоялся мой дебют в Сан-Франциско — первый «живой концерт» вместе с моей группой, в которую входили только смертные. Наш аудиоальбом пользовался бешеным успехом. Написанная мною автобиография вызывала жгучий интерес как у смертных, так и у бессмертных.

Но потом произошло нечто совершенно неожиданное. Во всяком случае, я не мог предвидеть ничего подобного. И в тот момент, когда мы с вами расстались, я, образно выражаясь, висел над пропастью.

Что ж, теперь уже все позади. Я, как видите, остался в живых. В противном случае я сейчас не разговаривал бы с вами. Космическая пыль давно осела, маленькую прореху на теле мирового разума и рациональных представлений залатали или по крайней мере прикрыли.

Все, что произошло, сделало меня еще более совестливым и стыдливым и еще больше усилило мою грусть. Однако, несмотря на то что человеческая моя сущность как никогда готова проявиться в любой момент, силы мои и власть неизмеримо возросли. Я превратился в страдающее и изголодавшееся существо, которое одновременно и любит и испытывает непреодолимое отвращение к своей непобедимой бессмертной оболочке.

Жажда крови? Она оставалась неутолимой, хотя физически никогда еще я не нуждался в ней так мало. Вполне вероятно, что сейчас я вообще смог бы обходиться без нее. Но страстное желание, которое я испытываю при виде всех, кто ходит по земле, свидетельствует о том, что я едва ли решусь когда-нибудь это проверить.

По правде говоря, для меня никогда не существовала только лишь физическая потребность в крови, хотя, конечно, кровь и сама по себе способна удовлетворить все самые чувственные желания, какие только может испытывать любое существо. Все дело в таинстве самого момента — момента убийства и ощущения на губах вкуса крови, — в интимном биении двух сердец, когда ты чувствуешь, как слабеет твоя жертва и как одновременно сам ты словно вырастаешь и вбираешь в себя вспыхивающую в последний момент ярким и огромным, как сама жизнь, пламенем смерть.

Хотя, конечно, подобное утверждение обманчиво. Никакая смерть не может быть столь же огромной, как жизнь. Вот почему, наверное, я продолжаю отнимать жизни. И от спасения души я сейчас далек как никогда. Сознание этого обстоятельства делает мое положение еще более ужасным.

Я, безусловно, все еще могу сойти за простого смертного. Как, впрочем, в той или иной мере может походить на обычного человека и любой из нас независимо от своего возраста. Поднятый воротник, низко надвинутая на глаза шляпа, темные очки и засунутые

глубоко в карманы руки, как правило, прекрасно помогают выполнить эту задачу. Для подобной маскировки мне нравится использовать также элегантные куртки из тонкой кожи и туго обтягивающие джинсы в сочетании с удобными и простыми черными ботинками, пригодными для прогулок по любой местности. Время от времени, однако, я люблю носить и красивую одежду из шелковых тканей, которая так модна и популярна в теплом климате тех мест, где я сейчас обитаю.

Если же кто-либо присматривается к нам чересчур уж пристально, всегда можно прибегнуть к своего рода телепатическому внушению: «Все, что вы видите сейчас перед собой, совершенно естественно и нормально». Мысленное обращение при этом сопровождается старым и проверенным средством — ослепительной улыбкой, тщательно и с легкостью скрывающей, однако, острые и длинные клыки. И все — смертный споконно идет своей дорогой.

Иногда я отказываюсь от всякой маскировки и выхожу в своем настоящем облике. Длинные волосы, бархатный блейзер, напоминающий мне о добрых старых временах, на правой руке один-два перстня с изумрудами... Я быстро иду сквозь толпы людей, заполняющих улицы в деловой части этого прекрасного и полного разврата южного города, или неспешно прогуливаюсь по пляжам и набережным, полной грудью вдыхая теплый морской воздух и любуюсь серебристо-белым, как лунный свет, песком.

Никто не задерживает на мне взгляд более чем на секунду или от силы две, ибо вокруг так много других не менее привлекательных и необъяснимых вещей и явлений — ужасных, угрожающих и таинственных, которые привлекают и завораживают вас. Уж лучше вернуться к понятному, предсказуемому и банальному. Всем известно, что прекрасный принц не появится никогда, а Спящая красавица, возможно, давно уже мертва.

То же самое можно сказать и о всех тех, кто, как и я, сумел выжить и теперь обитает вместе со мной в этом жарком и зеленом райском уголке вселенной на юго-восточной оконечности Североамериканского континента — в блестящем и сверкающем огромном мегаполисе Майами, самом подходящем месте для охоты жаждущих крови бессмертных существ. Если, конечно, такое место вообще может существовать.

То, что они рядом со мной, поистине чудесно и действительно очень важно для меня. Именно этого, как мне казалось, я всегда желал и добивался — великого сообщества мудрых, наиболее выносливых и терпеливых древних и беспечных юных существ.

Никогда, однако, я так мучительно не переживал собственную безвестность в мире смертных, для столь алчного и завистливого существа, как я, она была поистине невыносимой. Меня не могли утешить и успокоить мягкие увещевания и шепот пытавшихся отвлечь меня от этих мыслей сверхъестественных голосов. Слишком уж соблазнительным и привлекательным был вкус признания со стороны смертных — яркие обложки аудиоальбомов в витринах магазинов, беснующиеся и бешено аплодирующие толпы фанатов перед сценой. И не важно, что они не верили в то, что я и в самом деле вампир, — в эти мгновения мы были все вместе. Они выкрикивали мое имя!

Однако аудиоальбомов больше нет, и я никогда больше не услышу те песни. Остается моя книга, которая, как и «Интервью с вампиром», воспринимается лишь как художественный вымысел. Впрочем, так, наверное, и должно было быть. Как вы узнаете далее, я и так создал множество проблем и принес всем серьезные неприятности.

Своими невинными играми я вызвал поистине катастрофическое бедствие. Вампир, который своими откровениями хотел добиться того, чтобы его считали одновременно и героем и мучеником...

Вполне естественно предположить, что я сделал для себя определенные выводы. Уверяю вас, это действительно так.

Поверьте, поистине мучительно вновь оказаться в тени. Подумать только: Лестат опять превратился в холеного, но никому не известного бандита-вампира, нападающего на смертных, которые и понятия не имеют о существовании его и ему подобных. Так больно вновь очутиться за бортом жизни, навечно быть обреченным скитаться по окраинам и не переставая бороться с добром и злом в вековом аду, царящем в собственных душе и теле.

В полном одиночестве я предаюсь мечтам и жажду отыскать в какой-нибудь освещенной лунным светом комнате юное и нежное существо — тинейджера, как они себя теперь называют, — читающее мою книгу и слушающее записи моих песен, одну из тех наивных идеалисток, которые во времена моей злополучной и недолгой славы писали мне восторженные письма на надушенной бумаге, рассуждали о поэзии и о власти иллюзий, о том, как бы им хотелось, чтобы я оказался рядом с ними во плоти и крови. Я мечтаю тайком пробраться в ее полутемную комнату и, быть может, увидеть на столике рядом с кроватью свою книгу с трогательной бархатной ленточкой вместо закладки, мечтаю дотронуться до ее плеча и улыбнуться, встретившись с ней взглядом, а в ответ услышать: «Лестат, я всегда знала, что ты существуешь на самом деле, и была уверена, что когда-нибудь ты обязательно ко мне придешь».

И тогда я возьму в ладони ее лицо и наклонюсь, чтобы поцеловать ее. «Да, радость моя, — скажу я ей, — я пришел. И ты даже не представляешь, как ты мне нужна, как я люблю тебя, как я всегда тебя любил».

Вполне возможно, что те испытания, которые выпали на мою долю, сделают меня в ее глазах еще более привлекательным, а невероятные ужасы, которые

мне пришлось увидеть своими глазами, и невыносимая боль, которую мне пришлось перенести, придадут мне особенное очарование. Поистине страшная правда состоит в том, что страдания делают наши души богаче, заставляют нас острее ощущать краски жизни и с особенной чуткостью реагировать на слова. Однако это происходит лишь в том случае, когда эти страдания и лишения не уничтожают нас окончательно, когда они не разрушают наши души, не лишают нас способности видеть и воспринимать окружающий мир, способности мечтать и с уважением и благоговением относиться к самым простым и в то же время необходимым проявлениям реальной жизни.

Прошу вас отнестись ко мне снисходительно и простить меня, если в моих словах вам послышится чрезмерная горечь.

Ибо я не имею на это никакого права. Я сам заварил всю эту кашу и тем не менее сумел выйти из нее, как говорится, целым и невредимым. Чего никак нельзя сказать о множестве мне подобных. К тому же пострадали и многие смертные. Это непростительно. И я знаю, что мне предстоит вечно расплачиваться за содеянное.

Все дело, однако, в том, что я так до сих пор и не понял до конца: что же все-таки произошло? Мне трудно определить даже для себя, было ли все случившееся настоящей трагедией или не более чем бессмысленной и весьма опасной при этом авантюрой. Не знаю я и того, могло ли из моих ошибок и заблуждений родиться нечто действительно стоящее и восхитительное, нечто такое, что способно было вырвать меня из плена кошмара и сознания собственной неуместности в мире и в конце концов бросить в очистительное пламя искупления собственных грехов.

Скорее всего, я этого так никогда и не узнаю. Суть в том, что все давно позади. А наш мир, наш маленький тайный мир стал как никогда ограниченным и темным. Ему уже не стать прежним.

Кому-то может показаться удивительным, что я не смог предвидеть столь сокрушительный катаклизм. Однако в том-то и дело, что я не задумываюсь о последствиях собственных начинаний и поступков. Больше всего меня привлекает риск, меня завораживают открывающиеся передо мной неизведанные возможности и неопределенные перспективы. Именно это помогает мне выжить в вечности даже тогда, когда все остальное теряет смысл.

В конце концов, именно таким я был и при жизни, то есть двести лет тому назад, — беспокойным, непоседливым и нетерпеливым, всегда жаждущим любви и готовым ввязаться в любую драку. Когда в 1780-х годах я отправился в Париж, чтобы стать актером, все, о чем я мечтал, — это момент начала представления — тот момент, когда каждый вечер взлетает вверх занавес.

Наверное, древние все же правы. Я говорю сейчас о истинно бессмертных — о тех, кто сумел выжить и вот уже в течение тысячелетия и более пьет кровь. Они утверждают, что никто из нас с годами в сущности своей не меняется, со временем мы лишь в большей степени становимся теми, кто мы есть.

Иными словами, когда вы живете сотни и сотни лет, вы становитесь мудрее и одновременно у вас появляется значительно больше времени, чтобы проявить в полной мере те отрицательные стороны своей натуры, которые, по словам ваших недругов, у вас имеются.

Вот и я остаюсь все тем же, кем был всегда, — юношей, стремящимся занять на сцене такое место, где меня будет лучше всего видно зрителям, и жаждущим их любви. Одно с другим теснейшим образом связано. Я страстно хочу развлекать и завораживать вас, хочу, чтобы вы мне прощали абсолютно все... Боюсь, случайных и редких моментов тайного общения и признания мне недостаточно.

Однако я забегаю вперед.

Если вы читали мою автобиографию, вам, конечно, не терпится узнать, о чем именно я говорю, о каком бедствии идет речь.

Что ж, давайте вкратце осветим события. Как я уже сказал, я написал книгу и выпустил аудиоальбом только затем, чтобы заявить о себе. Чтобы, пусть не напрямую, рассказать всем о том, кто я есть на самом деле.

Что же касается риска, связанного с вероятностью того, что смертные и вправду поймут, догадаются, что я рассказал о себе истинную правду... Должен признаться, такая возможность весьма привлекала и возбуждала меня. В определенной степени можно сказать, что моим заветным желанием было предоставить смертным возможность выследить и уничтожить нас. Мы не заслуживаем права существовать в этом мире. Они должны всех нас убить. Представляете, какая грандиозная могла бы начаться битва! Как это здорово — сражаться с теми, кому известна моя истинная сущность!

Я, однако, никогда не верил в возможность подобной конфронтации. Для такого демона, как я, обличье рок-музыканта служило в высшей степени великолепной маскировкой.

На меня ополчились как раз именно мне подобные, они решили примерно наказать меня за все, что я сделал. Другого я от них, конечно, и не ожидал.

В конце концов, в своей автобиографии я рассказал нашу историю и открыл те сокровенные тайны, которые поклялся когда-то свято хранить. Я посмел появиться в свете огней рамп и перед объективами телекамер. А что, если я вдруг оказался бы в руках какого-нибудь ученого мужа или, что еще более вероятно, за пять минут до рассвета меня за мелкое нарушение правил дорожного движения арестовал бы ревностно исполняющий свои обязанности полицейский? Тогда меня заключили бы в тюрьму и в часы моего глубокого дневного сна тщательно обследовали, досконально изучили и определили мою принадлежность, удовлетворив таким образом свое любопытство и навсегда рассеяв сомнения самых непримиримых скептиков всего мира.

К счастью, подобная вероятность была весьма маленькой. И таковой остается до сих пор. Хотя... Вот было бы весело, если бы такое могло случиться!

И тем не менее ярость, охватившая мне подобных, вполне объяснима. За то, что я подверг такому риску весь род вампиров, они готовы были сжечь меня заживо или разорвать на мелкие кусочки мое бессмертное тело. Большинство относительно молодых вампиров были слишком тупы, чтобы осознать степень нашей безопасности.

По мере того как приближался вечер нашего первого концерта, я все в большей и большей мере испытывал желание вступить и в эту битву. Ах, какое это было бы удовольствие — уничтожить тех, кто, как и я, представлял собой воплощение зла, снова и снова разрушать отражение моего собственного образа.

Должен признаться, что мне доставляло огромное удовольствие просто находиться на сцене, на глазах у множества людей, играть для них, петь и творить настоящие чудеса. Ради этого в первую очередь я и сделал то, что сделал. Мне очень хотелось оставаться живым, быть, в конце концов, просто человеком. Тот смертный юный актер, который двести лет назад отправился в Париж и встретился на одном из бульваров со смертью, должен был наконец дожждаться своего звездного часа.

Вернусь, однако, к своему рассказу. Концерт прошел с большим успехом. Я добился признания и восторженного почитания полутора тысяч смертных фанатов, вопящих и беснующихся перед сценой. А главное, рядом со мной вновь были два самых дорогих для меня существа, мои создания — Габриэль и Луи, с которыми я был разлучен в течение множества долгих и мрачных лет.

Прежде чем ночь подошла к концу, мы расправились с отвратительными вампирами, жаждавшими наказать меня за мои деяния. В нашей короткой битве

у нас неожиданно оказался невидимый и неизвестный нам союзник, который превращал наших врагов в столбы пламени, прежде чем они успевали причинить нам хоть малейший вред.

К утру я был чересчур возбужден и пребывал в состоянии такой радости и восторга, что едва ли мог реально осознавать степень грядущей мне опасности. Вновь держать в своих объятиях Габриэль было для меня таким блаженством, что я не в силах был обращать внимание на ее тревогу и прислушиваться к ее предостережениям. Что же касается мрачных подозрений и предположений Луи, то я, как и всегда, их просто игнорировал.

А потом случилось нечто такое, что заставило меня буквально повиснуть над краем пропасти...

В то время как солнце поднималось над Кармелвэлли и глаза мои, как и у всех вампиров в такие минуты, слипались, я вдруг понял, что в своем подземном убежище я не один. Оказывается, мою музыку слышали не только молодые вампиры — своими песнями я пробудил от долгого сна и самых древних на земле представителей нашего рода.

И вновь я оказался в ситуации, полной риска и неизвестности. Что должно было за этим последовать? Что ждало меня впереди? Суждено ли мне было в конце концов умереть или возродиться вновь?

Для того чтобы поведать вам обо всех остальных событиях, я должен немного вернуться назад.

Необходимо рассказать о том, что происходило примерно дней за десять до рокового концерта, и позволить вам проникнуть в сердца и разум других существ — тех, в чьих душах мои песни и моя книга нашли такой отклик, о котором я в то время почти или совсем ничего не знал.

Иными словами, происходило множество событий, восстановить ход которых мне удалось лишь много позднее. И именно об этом я и собираюсь вам сейчас рассказать.

Итак, мы на время покинем замкнутое, наполненное лирикой пространство моего собственного «я» и перейдем от рассказа от первого лица к исследованию разумов и душ «множества героев», уподобившись тысячам смертных писателей, поступавших таким образом до меня. Мы перескочим в мир повествования «от третьего лица» и «множества точек зрения».

Кстати, если персонажи моей книги станут вдруг утверждать, что я красив, неотразим, что передо мной трудно устоять и что-либо еще в этом же духе, не подумайте, пожалуйста, что эти слова в их уста вложены мною. Я этого не делал. Все это было либо рассказано мне впоследствии, либо извлечено мною из их разумов с помощью моих непревзойденных телепатических способностей. Поверьте, я не стал бы вас обманывать ни в этом, ни в чем-либо еще. Не в моей власти перестать быть великолепным и обаятельным демоном. Такова уж моя судьба. Коротко говоря, тот злодей, который сделал меня когда-то тем, кто я есть, остановил на мне свой выбор именно из-за моей привлекательной внешности. Такого рода случайности далеко не редки.

Мы вообще живем в мире случайностей, в котором вечны только эстетические принципы и только в них мы можем быть в достаточной мере уверены. В своем стремлении создать и обрести эстетический баланс мы обречены вечно бороться и с добром и со злом. Никому, однако, не приходит в голову сомневаться в удивительной красоте сверкающих в свете уличных фонарей дождевых струй или вспышек артиллерийских разрывов на фоне темного ночного неба.

Хочу вас заверить в том, что, хотя я и покидаю вас на время, в нужный момент я непременно вернусь во всей своей красоте и блеске. Должен признаться, что я с огромным удовольствием оставался бы единственным повествователем и совсем не желаю лишаться своего привилегированного положения. Перефразируя слова Дэвида Конперфилда, я могу сказать, что и сам не знаю, кем являюсь в своем повествовании —

героем или жертвой. Но в любом случае разве не заслужил я право оставаться в нем главным? В конце концов, ведь именно я рассказываю эту историю.

Увы, исполнение мною роли своего рода Джеймса Бонда в мире вампиров не является единственной темой повествования. Тщеславным помыслам придется подождать своего часа. Я хочу, чтобы вы знали, что же происходило с нами на самом деле, даже если вы не поверите ни единому моему слову. Пусть хотя бы в романе, раз уж нет иной возможности, я обрету значение в ваших глазах и таким образом в некотором роде связь с вами. Иначе я непременно сойду с ума.

А пока, до того момента, когда мы встретимся с вами вновь, я все время буду думать о вас. Я люблю вас. Я хочу, чтобы вы были рядом со мной... в моих объятиях...

Пролог

ДЕКЛАРАЦИЯ В СТИЛЕ ГРАФФИТИ —
*написана черным фломастером на красной стене
в задней комнате бара
под названием «Дочь Дракулы»
в Сан-Франциско*

Детям Тьмы предлагается учесть следующее.

Книга первая, «Интервью с вампиром», опубликованная в 1976 году, представляет собой вполне правдивую историю. Нечто подобное мог написать любой из нас, во всяком случае о том, что касается превращения в тех, кем мы стали, наших мук и страданий и наших исканий. Однако Луи, который бессмертен вот уже две сотни лет, претендует на завоевание любви и сочувствия смертных. Лестат, этот злодей, передавший Луи Темный Дар, практически ничего ему не объяснил и не рассказал ничего такого, что могло бы хоть как-то его утешить. Картина, видимо, всем знакомая. И тем не менее Луи продолжал искать пути к спасению, хотя даже Арман, старейший из всех бессмертных, кого ему удалось найти, не смог раскрыть ему ни причины нашего существования и нахождения здесь, ни того, от кого мы вообще произошли. Думается, что никого из юных вампиров это тоже не удивит. В конце концов, вампиры никогда не имели ничего похожего на Балтиморский катехизис.

Во всяком случае, до того момента, когда буквально на этой неделе была опубликована книга вторая — «Вампир Лестат». У этой книги есть и подзаголовок: «...его юность, воспитание и приключения». Вам трудно

в это поверить? Что ж, можете пойти в любой книжный магазин смертных и удостовериться. А после этого загляните в магазин, торгующий пластинками, и попросите показать вам только что вышедший аудиоальбом, тоже называющийся «Вампир Лестат». Удивительное проявление скромности, не так ли? Если вы не имеете возможности сделать ни то ни другое, вам останется включить канал кабельного телевидения — если, конечно, вы не относитесь с глубочайшим презрением к такого рода вещам — и дождаться начала одного из множества созданных Лестатом видеофильмов, которые со вчерашнего дня с тошнотворной частотой появляются в эфире. И тогда вы немедленно поймете, что представляет собой Лестат на самом деле. В этом случае вас ничуть не удивят его планы, то, что он собирается в довершение всех беспрецедентных безобразий, уже им совершенных, появиться на сцене собственной персоной и выступить «вживую» в этом самом городе. Как вы уже, наверное, догадались, концерт должен состояться в канун Дня Всех Святых, в Хеллоуин.

Но давайте на минуту забудем о его наглых и безумных глазах, смотрящих на нас сверхъестественно горящим взглядом с витрин всех музыкальных магазинов, о его мощном голосе, делающем достоянием гласности имена и истории жизни самых древних из нас. Почему он так поступает? О чем рассказывают его песни? Обо всем этом написал он в своей книге. Он подарил нам не просто катехизис, но Библию.

Мы попадаем в далекие библейские времена, чтобы встретиться с нашими прародителями — Энкилом и Акашей, которые правили в долине Нила задолго до того, как эта область стала называться Египтом. Не стоит, пожалуй, относиться всерьез к истории о том, как они стали первыми вампирами на этом свете, — во всем этом смысла едва ли чуть больше, чем в истории о возникновении жизни на Земле или о том, как из микроскопических клеток в матке своей смертной

матери развивается человеческий зародыш. Суть в том, что все мы произошли от этих двух древнейших и уважаемых существ, и, нравится нам это или нет, имеются весьма веские основания для твердой уверенности в том, что первоначальный источник неотъемлемо присутствующих нам великолепных возможностей и способностей находится внутри тела одного из древнейших существ. Что же это значит? Грубо говоря, если Энкил и Акаша когда-либо взойдут на погребальный костер, все мы немедленно сгорим вместе с ними. Если они превратятся в сияющий прах, всем нам придет конец — мы просто исчезнем с лица земли.

И все же у нас остается еще надежда. Эти двое вот уже полторы тысячи лет не двигаются с места! Да-да, именно так. Правда, Лестат утверждает, что своей игрой на скрипке у подножия их святилища ему удалось однажды разбудить их обоих. Однако если мы не станем верить его маловероятному рассказу о том, что Акаша держала его в своих объятиях и поделилась с ним своей первородной кровью, ситуация будет, пожалуй, более реальной. К тому же имеются свидетельства древнейших из нас, которые утверждают, что со времен падения Римской империи эти двое ни разу и глазом не моргнули. Все это время Мариус — древний вампир родом из Рима — содержал и ревностно охранял их в прекрасно обустроенном тайном склепе. А уж ему-то лучше, чем кому бы то ни было, известно, что для всех нас лучше. Именно он приказал вампиру Лестату хранить тайну и ни под каким предлогом и никогда ее не раскрывать.

Вампир Лестат оказался, однако, ненадежным хранителем секретов и не оправдал доверия. Интересно, каковы были его мотивы, с чего это он вдруг решил написать книгу, выпустить альбом и фильмы, а потом еще и организовать концерт? Понять, что творится в голове этого демона, совершенно невозможно. Ясно только, что он всегда делает то, что ему хочется, и не задумывается о последствиях. В конце концов, разве

не он превратил в вампира ребенка? Разве не он сделал вампира из собственной матери? Любящая его Габриэль многие годы оставалась его преданной спутницей. Ради собственного удовольствия он способен положить глаз даже на папский престол!

Итак, суть дела в том, что странствующий философ Луи, которого никому из нас никак не удастся найти, открыл бесчисленному множеству чужаков наши самые сокровенные секреты. А Лестат осмелился поведать нашу историю всему миру, а теперь на глазах у смертных бесстыдно демонстрирует на сцене свои сверхъестественные способности.

А теперь позвольте задать вам вопрос: почему эти двое все еще существуют? Почему мы до сих пор не уничтожили их? Нельзя, конечно, сказать, что опасность, грозящая нам со стороны полчищ смертных, достаточно серьезна. Пока еще у стен нашего замка не беснуются толпы крестьян с факелами в руках, грозя сжечь всех нас. Но это чудовище может изменить психологию людей и навлечь на нас множество неприятностей в будущем. И хотя мы достаточно умны, чтобы не дать в руки смертным факты, подтверждающие достоверность его глупейших измышлений, ярость наша не имеет границ. Такие поступки не могут и не должны остаться безнаказанными.

Продолжим наш обзор. Если история, рассказанная вампиром Лестатом, — правда, — а в том, что это действительно так, готовы поклясться многие, хотя никто из них не может сказать, почему он в этом уверен, — то почему бы Мариусу, этому вампиру, которому уже две тысячи лет, не появиться здесь и не наказать Лестата за неповиновение? Вполне возможно также, что царь и царица, услышав свои имена, громко звучащие по радио на всю планету, пробудятся от своего многовекового сна. А если это произойдет, что будет тогда со всеми нами? Сможем ли мы спокойно и безбедно жить под их, новой для нас, властью? Или они начнут разру-

шать мир и всю вселенную? Как бы то ни было, существует надежда, что незамедлительное уничтожение вампира Лестата способно предотвратить эту катастрофу.

План наш состоит в следующем. Как только вампир Лестат и его свита осмелятся появиться где бы то ни было, следует всех их немедленно уничтожить. Необходимо уничтожить также и всех тех, кто посмеет их поддерживать и проявит преданность по отношению к ним.

Хотим предостеречь. Как вы знаете, вокруг нас существует множество очень старых вампиров. Время от времени все мы чувствуем их присутствие, а иногда даже на короткий миг видим их. Откровения Лестата не то чтобы потрясли нас, но породили в наших душах ощущение опасности и заставили нас быть очень осторожными. Стоит ли сомневаться, что древнейшие из нас благодаря своим великим способностям тоже могут слышать музыку Лестата? И кто знает, какие еще древние существа, взволнованные и возбужденные воспоминаниями и услышанным пересказом собственной истории, откликнутся на его призывы и медленно двинутся сюда? Каковы будут их намерения и цели?

Копии этой декларации должны быть разосланы во все пункты, являющиеся местами встреч Сообщества вампиров, а также во все общины вампиров мира. Вы должны с вниманием отнестись ко всему, что написано в данной декларации, и сообщить всем: вампир Лестат должен быть уничтожен вместе со своей матерью Габриэль, должны быть уничтожены также его спутники Луи и Арман, равно как и любой бессмертный, обнаруживший свою преданность Лестату.

Желаем всем молодым вампирам веселого и счастливого Хеллоуина! Увидимся на концерте. Все вместе мы позаботимся о том, чтобы вампир Лестат не ушел с него живым.

Содержание

Пролог	21
ЧАСТЬ 1. Дорога к вампиру Лестату	
1. Легенда о близнецах	57
2. Короткая и счастливая жизнь Беби Дженкс и Банды клыкастых	66
3. Богиня Пандора	91
4. История Дэниела, приспешника дьявола, или молодого человека из «Интервью с вампиром»	110
5. Хайман, мой Хайман	176
6. История Джесс, Великого Семейства и Таламаски	201
ЧАСТЬ 2. Канун Дня Всех Святых	285
ЧАСТЬ 3. И ныне, и присно, и во веки веков	
1. Лестат: В объятиях богини	357
2. Мариус: Снова вместе	378
3. Лестат: Царица Небесная	408
4. История близнецов: Часть I	433
5. Лестат: Сие есть тело мое, сие есть кровь моя	494
6. История близнецов: Часть II	527
7. Лестат: Царствие Небесное	543
8. История близнецов: Заключение	553
ЧАСТЬ 4. Царица Проклятых	597
ЧАСТЬ 5. Во веки веков, аминь	629